

собою, чтобы до конца понять свой собственный порывъ, свою основную идею оцерковленія жизни. Это оцерковленіе, конечно, есть тамъ, гдѣ въ субъективномъ сознаніи ищется помощь Божія и благословеніе Церкви на наши дѣла. Полнѣе, конкретнѣе и отвѣтственнѣе ставится эта же тема оцерковленія жизни, когда мы выдвигаемъ идею православной культуры, но всей своей полноты и трагической трудности, всей своей силы идея оцерковленія жизни достигаетъ тогда, когда мы до конца осознаемъ вселенскую природу Церкви, когда не Церковь включается въ программу національнаго возрожденія, а самое служеніе Родинѣ изнутри одушевляемо и осмысливаемо изъ этой идеи вселенской Церкви.

Къ этому этапу мы теперь пришли, мы даже частично вступили въ него, но настолько частично, что моя формулировка можетъ многихъ болѣзненно задѣть. Путь Церкви и Правда Ея, сила спасенія, данная Господомъ Церкви, есть единственное наше солнце, въ лучахъ котораго новымъ свѣтомъ свѣтится правда семьи, національнаго начала. Кто любитъ Церковь прежде всего и больше всего, тотъ только и можетъ серьезно стать на путь „оцерковленія жизни“, — но къ этому сознанію всѣ мы приходимъ чрезъ преодоленіе своего церковнаго провинціализма, — и оттого безъ тяжбы съ собою, безъ духовной борьбы не дано никому вступать на этотъ путь.

*В. В. Зыньковскій.*

## **Борьба съ адомъ.**

(Къ вопросу о вѣчности мученій).

*(Продолженіе).*

Никто не станетъ утверждать, что все, что существуетъ, должно существовать. Категорія существованія не только не совпадаетъ, но постоянно противоборствуетъ категоріи долженствованія. И мы считаемъ, что тотъ, кто адъ пріемлетъ или съ нимъ примиряется не можетъ называться христіаниномъ. Мы хотимъ бороться съ адомъ, а слѣдовательно предполагаемъ возможность побѣды надъ нимъ. Знаемъ, что есть адъ, но вѣримъ, что онъ можетъ не быть и что онъ долженъ не быть. И эта вѣра наша есть сердце христіанской религіи, ея „благая вѣсть“, ея „радость совершенная“. Мы уповаемъ на то, что адъ упразднится, ибо въ корнѣ своемъ онъ уже побѣжденъ Христомъ. Господь,

„смертію смерть поправъ“, сошелъ во адъ и побѣдилъ „силу дѣвольскую“. Сатана уже извергнутъ изъ міра, и отъ насъ зависитъ, чтобы онъ окончательно сгорѣлъ въ огнѣ, ему уготованномъ. И Іоаннъ Златоустъ въ Пасхальномъ словѣ восклицаетъ: „смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда“?

Нельзя одновременно вѣрить въ искупленіе и въ несокрушимость ада. Или дѣло Христа удалось, и тогда адъ сокрушенъ въ своей онтологической основѣ — или не удалось, и тогда адъ торжествуетъ, и „суетна вѣра наша“.

Но можетъ быть Господь пришелъ спасти только избранныхъ, только немногихъ? Такъ учили нѣкоторые гностики, дѣлившіе людей на духовныхъ (pneumatekoi) и не духовныхъ. Такъ училъ о предопредѣленіи Кальвинъ. Но это явно противорѣчитъ словамъ Спасителя: „Воля посланшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ далъ Мнѣ, ничего не погубить, но *все* воскресить въ послѣдній день“.

Слова Христа о страшномъ судѣ и судьбѣ грѣшниковъ слишкомъ часто понимались въ юридическомъ, *внѣшнемъ* смыслѣ. Въ каждомъ изъ насъ продолжаетъ жить ветхій чловѣкъ, не вмѣщающій всей огромности новой благой вѣсти и подмѣняющій благодать закономъ. Судъ, происходящій въ душѣ чловѣка, онъ представляетъ себѣ **въ** видѣ официального инквизиціоннаго трибунала. Христосъ заповѣдалъ: „Не судите, да не судимы будете“, и именно Его грѣховное, чловѣческое сознаніе надѣляетъ атрибутами грознаго судьи. Получается такъ, что образъ кротчайшаго и сладчайшаго Іисуса, который „льна курящаго не погаситъ“, который не каралъ, а прощалъ, не судилъ, а спасалъ,—есть только временная личина, за которой таится ликъ суроваго Мстителя. Въ первомъ Своемъ пришествіи Онъ былъ воплощенной любовью, училъ всепрощенію, хотѣлъ „милости, а не жертвы“, а во второмъ Онъ явится въ своемъ „подлинномъ видѣ“—безпощаднаго Правосудія.

Всѣ эти домыслы—„чловѣческое, слишкомъ чловѣческое“. Они противорѣчатъ собственнымъ словамъ Спасителя: „Я пришелъ не *судить* міръ, но спасти міръ“. Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ, имѣетъ судію себѣ: слово, которое Я говорилъ, *оно будетъ судить его* въ послѣдній день“.

Итакъ ясно: не Христосъ будетъ судить людей, а они сами будутъ себя судить. Не Онъ поставитъ однихъ по правую, а другихъ по лѣвую сторону: Онъ придетъ во славу, и въ свѣтѣ Его славы обнаружится, кто какое мѣсто

уже занялъ. И каждый получить то, чего самъ восхотѣлъ сыны свѣта свѣтъ, сыны тьмы—тьму.

Поэтому слова Христа о страшномъ судѣ слѣдуетъ понимать не по буквѣ, а по духу, не внѣшне, а символически. Спаситель говоритъ о внутреннихъ событіяхъ въ душѣ человѣка, открываетъ правду о человѣческой природѣ. Страшный Судъ есть „вещей обличеніе невидимыхъ“, когда все совершившееся въ тайнѣ сдѣлается явнымъ. Господь не угрожаетъ: Онъ обращается къ совѣсти и свободѣ человѣка, учить и зоветъ.

Слова малаго Апокалипсиса есть предсказаніе о возможности гибели грѣшниковъ, но вовсе не о *неминуемости* ея. Ибо Господь не хочетъ смерти грѣшника, „но яко же спастися и живу быть ему“. Но спросятъ: „Развѣ этого хотѣнія не достаточно? Развѣ Господь не всемогущъ?“

Да, настолько всемогущъ, что можетъ даже, изъ за любви къ людямъ, ограничить свое всемогущество. Сынъ Божій, пріявъ зракъ раба, пошелъ на крестныя муки и смерть, совлекая своей славы, которую имѣлъ у Отца отъ вѣчности, обнищавъ, оскудѣвъ, умалился. Въ этомъ кѣносисѣ и была Его жертвенная любовь. Господь хочетъ, чтобы „всѣ спаслись“, но человѣкъ можетъ этого и не захотѣть. Человѣческая свобода превращаетъ всеобщее спасеніе изъ достовѣрности лишь въ возможность.

Что дѣлать съ тѣми, которые не по невѣдѣнію, а съ полнымъ сознаниемъ—въ рай не хотятъ: съ бѣшенствомъ, съ яростью, отчаяніемъ упираются, не согласны, отвергаютъ, отталкиваютъ отъ себя. Что дѣлать съ Иваномъ Карамазовымъ, который „почтительнѣйше возвращаетъ свой билетъ въ рай?“

У Сведенборга рассказывается, что послѣ смерти всѣ души попадаютъ въ сіяніе Божьяго лица. И любящіе Его радостно взлетаютъ навстрѣчу свѣту. А нелюбящіе начинаютъ корчиться въ нестерпимыхъ мукахъ. Огонь любви Господней ихъ слѣпитъ, жжетъ, мучитъ; они не выносятъ его, т. к. всѣмъ своимъ существомъ ненавидятъ свѣтъ и любятъ тьму. И, „скрежеща зубами, они устремляются прочь, въ бездну, возможно дальше отъ Лика Любви; — и только въ „сѣни смертной“ они приходятъ въ себя отъ ожоговъ и ослѣпленія. Сведенборгъ думаетъ, что на томъ свѣтѣ пространство измѣряется исключительно силой притяженія и отталкиванія, любви и ненависти: кто больше любитъ Бога, тотъ ближе къ Свѣту, кто меньше—дальше, а возлюбившіе тьму паче свѣта и будутъ „во тьмѣ кромѣшной“. Ибо „гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше“.

Но можетъ быть по отношенію къ безумцамъ, упорствующимъ въ своемъ желаніи гибели, оправдано насиліе? „Если кто въ рай не хочетъ, *impelle intrare*“ („онудить войти“). Такимъ правиломъ руководились средневѣковые инквизиторы. Но это правило не Христа, а Антихриста. Если допустить принципъ насилія надъ человѣческой волей, хотя бы злой и преступной, то тогда и спасать будетъ некого, ибо свобода и есть сокровенная сущность человѣка, образъ и подобіе Божіе въ немъ. Посягнуть на свободу человѣка Богъ не хочетъ, ибо Онъ „человѣколюбецъ“; Онъ возлюбилъ именно человѣка, Онъ Богочеловѣкъ—Онъ таинственно связанъ въ своей природѣ съ природой человѣка. Христосъ есть „истинный Богъ и истинный человѣкъ“, извратить природу человѣка значитъ для Бога перестать быть Богочеловѣкомъ. Нѣтъ, человѣческая свобода есть послѣдняя высочайшая святыня, передъ которой преклоняется самъ Богъ. Можетъ быть и весь міръ былъ созданъ единственно для того, чтобы осуществить эту свободу.

Итакъ, съ одной стороны: нашъ личный опытъ и опытъ всего человѣчества показываетъ намъ, что человѣческая природа немощна и разслаблена грѣхомъ, а съ другой стороны, что она неприкосновенна, такъ какъ основа ея таинственный и священнѣйшій *даръ свободы*.

Не приводитъ ли это насъ къ полной безнадежности, къ шопенгауэровскому пессимизму?

Всякое не христіанское міровоззрѣніе, если оно подлинно философское, т. е. если считается съ проблемами зла и свободы, неизбежно должно быть пессимистичнымъ. Только софизмами и вымыслами (о томъ, что человѣкъ отъ природы добръ, что зло есть только видимость, что естественный процессъ можетъ побѣдить зло и т. д.) возможно спастись отъ отчаянія. Если же не закрывать глаза и не убаюкивать себя утопіями, необходимо прійти къ убѣжденію, что жизнь безсмысленна и твореніе не удалось. Поэтому изъ всѣхъ не-христіанскихъ міросозерцаній одинъ буддизмъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Онъ одинъ „мудръ“, ибо, какъ говоритъ Майковъ:

„Мудрецъ отличенъ отъ глупца  
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца“.

Буддизмъ открыто говоритъ то, что всѣ другія міровоззрѣнія замалчиваютъ: „міръ есть зло и достоинъ полнаго уничтоженія“.

И только христіанство „спасаетъ міръ“. Оно не закрываетъ глаза на зло и съ меньшей рѣшительностью,

чѣмъ буддизмъ заявляетъ, что „весь міръ лежитъ во злѣ“. Оно говоритъ всю правду о человѣкѣ, настаивая на его свободѣ (образъ Божій въ человѣкѣ) и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждая его падшестъ. Оно одно обладаетъ тайной *воздѣйствія* на человѣка, не извращая его природы и не насилюя его свободы. Это воздѣйствіе есть сила Богочеловѣчества и въ этомъ христіанство возвышается надъ всѣми религіями и философскими системами. Послѣ сошествія Духа Святого на Апостоловъ въ день Пятидесятницы въ міръ входитъ благодатная сила Христова, *обновляющая* и преобразующая всѣхъ кто ее пріемлетъ. Человѣкъ сохраняетъ въ цѣлости свою природу и вмѣстѣ съ тѣмъ *перерождается*. Благодать не только не упраздняетъ его свободы, но впервые позволяетъ ей утвердиться и расцвѣсти. „Сойдите въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ“, увѣщаетъ Апостоль Павелъ. И въ этой благодатной свободѣ мы можемъ побѣдить адъ, какъ побѣдилъ его Христосъ.

Христіанское сознаніе не можетъ отрицать вѣчныхъ адскихъ мукъ, ибо это есть *реальность*, засвидѣтельствованная нашимъ внутреннимъ опытомъ. Теоретическое отрицаніе фактовъ—есть наивность и *малодушіе*. Факты не боятся теоретическаго отрицанія—оно идетъ имъ только на пользу. Вмѣсто безплоднаго отрицанія ада христіанское сознаніе должно противопоставить ему свое рѣшительное „да не будетъ“. А это значитъ изъ области теоретической вступить въ область практическую. Не разсуждать, а бороться. Христіане должны облечься во „всеоружіе Божіе“, которое перечисляетъ Ап. Павелъ (броня праведности, шить вѣры, шлемъ спасенія, мечъ духовный, „который есть слово Божіе“), и ринуться въ бой противъ ада, ибо именно адъ и есть нашъ единственный врагъ.

„Наша брань, пишетъ Ап. Павелъ, не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесной“.

*Мистическій характеръ* борьбы вѣрующихъ во Христа подчеркиваетъ въ своемъ посланіи Ап. Іоаннъ: „Для сего то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла дьявола... Всякій рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ“.

Эта борьба учениковъ Христа съ адомъ, съ „дѣлами дьявола“ есть продолженіе Его борьбы и усвоеніе Его побѣды. Онъ даетъ намъ все, что нужно для побѣды: Свое слово и Свою благодать; если мы свободно ихъ примемъ — побѣда наша обезпечена, если не примемъ —

обречемъ себя на поражение. „Безъ меня не можете творить ничего“.

Начать эту борьбу мы должны не завтра, а сегодня, ибо адъ не *будетъ*, а уже *есть*. Онъ уже воздвигается Вавилонской башней на нашихъ глазахъ. Если мы не хотимъ, чтобы вершина его ушла въ небо, въ вѣчность, въ загробную жизнь, мы должны начать разрушать его основаніе, упирающееся въ землю. Мы не можемъ возмущаться потустороннимъ адомъ и примиряться съ адомъ посюстороннимъ. Было бы лицемѣріемъ оплакивать загробную судьбу грѣшниковъ, а къ судьбѣ живыхъ братьевъ нашихъ, стонущихъ передъ нами въ земномъ аду, относиться съ полнымъ равнодушіемъ. Мы должны бороться съ социальнымъ адомъ — накормить всѣхъ голодныхъ, посѣтить всѣхъ больныхъ и плѣненныхъ, побѣдить неравенство, рабство, насиліе, несправедливость: мы должны бороться съ адомъ внутри насъ, съ нашими страстями, пороками и грѣхами — и только такимъ путемъ мы сможемъ уничтожить „вѣчныя муки грѣшниковъ“. Это и есть наше дѣло, наше призваніе на землѣ, только это съ насъ и спросится на страшномъ судѣ. „Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: „приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготовленное всѣмъ отъ созданія міра. Ибо Я, алкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня, былъ странникомъ и вы приняли Меня, былъ нагъ и вы одѣли Меня, былъ боленъ и вы посѣтили Меня, въ темницѣ и вы пришли ко Мнѣ“.

(Мате. XXV. 34—36).

И тутъ возникаетъ послѣднее и самое трагическое сомнѣніе. Какъ мы можемъ вѣрить въ побѣду надъ адомъ, если *вся дѣйствительность* противъ этой вѣры, если на нашихъ глазахъ люди все дальше отходятъ отъ Церкви, хранительницы благодати, отрекаются отъ Христа и умираютъ нераскаянными и непросвѣтленными? Какъ мы можемъ вѣрить, что намъ удастся *обратить* всѣхъ? Развѣ самъ Господь не предвидѣлъ страшнаго оскуднѣнія, почти исчезновенія вѣры на землѣ? И даже если допустить невѣроятное, а именно, что всѣ еще живущіе спасутся, то какъ спасти умершихъ грѣшниковъ? Неужели спасутся Каинъ и Иуда, которыхъ Данте заключилъ въ ледяное озеро на самомъ днѣ адской воронки? А если хоть одинъ погибнетъ — адъ „не упразднится“. На это нужно отвѣтить словами Господа: „Человѣку невозможно, но Богу возможно“. Страшный Судъ еще не наступилъ, міровая исторія еще продолжается, изъ Церкви непрерывно источаются въ

міръ токи благодатной силы; ангельскія силы непрестанное возносятъ Богу свои молитвы, Богородица неотступно ходатайствуетъ за грѣшниковъ, святые за насъ представляютъ, ежечасно во всемъ мірѣ приносятся „за всѣхъ и за вся“ Божественная Евхаристія, невѣдомые свѣту праведники въ слезахъ молятся за братьевъ своихъ.

Исаакъ Сиринъ говоритъ, что сердце милостивое молится и за демоновъ. Эти поразительныя слова должны откликнуться во всѣхъ христіанскихъ сердцахъ. Нужно вѣрить въ силу Христову, тайно, но могущественно дѣйствующую въ мірѣ, нужно помнить, что разъ міръ еще существуетъ, значитъ есть еще надежда; нужно знать, что всѣ наши страхи и сомнѣнія потонуть какъ песчинка въ океанѣ непостижимой и невыразимой Божественной Любви, нужно повторять за Іоанномъ Златоустомъ: „Воскресъ Христосъ и адъ упразднился“, нужно нести въ міръ свѣтлую вѣсть о Христовомъ Воскресеніи.

*К. Мочульскій.*

## **Религіозная жизнь въ сов. Россіи.**

Представители сов. власти и „общественности“, иностранцы, побывавшіе въ сов. Россіи, отдѣльные лица изъ среды русскихъ религіозныхъ людей за границей утверждали и утверждаютъ, что въ сов. Россіи существуетъ подлинная „свобода совѣсти“, что, если и есть факты преслѣдованій „религіозниковъ“, то отнюдь—не за религіозныя убѣжденія, какъ таковыя.

Въ этихъ высказываніяхъ и утвержденіяхъ имѣется, конечно, какая то „доля доли“ правды. И вмѣстѣ — во всѣхъ этихъ заявленіяхъ относительно „свободы“, какой, якобы, пользуется религія въ сов. Россіи, есть великая и мучительная неправда. Общій духовный гнетъ и узаконенное насиліе надъ совѣстью и мыслию, утверждаемые въ качествѣ самой основы сов. государственнаго строительства, создаютъ такую духовную атмосферу, что въ условіяхъ ея формальная („по конституціи“) свобода становится лишь утонченной формой угнетенія, злой насмѣшкой, углубляющей и обостряющей реальное безправіе и порабощеніе.

А. Жидъ, пораженный до изумленія всеобщимъ рабствомъ духа, которое онъ съ такой болью ощутилъ во время своего пребыванія въ „самой свободной странѣ въ мірѣ“, ничего не преувеличилъ въ своемъ отзывѣ о духовномъ состояніи СССР.